

СВЯТЫНИ (Записки археолога)

Шилов Ю.А.

Нынче много говорят о забвении истоков, о падении нравов, о церкви ... Будучи историком и археологом, исследуя духовные представления арийских племён, я много могу рассуждать на такие вот темы. Но гораздо важнее, мне кажется, опубликовать сейчас факты, которые представляли бы реальность в многомерности и глубине. Картины подлинной жизни, которые бы не толкали неокрепшую душу из тупика в тупик, а учили б её воспарять, ощущать не «в рамках», а «в свете»!

Кажется мне, что происшествия в экспедиции «Газопровод» Института археологии Академии наук Украинской ССР, работавшей в полевые сезоны 1986–1987 годов в Ренийском районе Одесской области, могут предоставить такие картины.

В нижеследующих заметках ничего не придумано и важного ничего не упущено. Изменены лишь некоторые имена и названия сёл. А сгустил ли или разжижил я краски – пусть судит читатель. В своё оправдание посетую лишь: где та мера, где зеркало то, которые бы точно отражали вечное бремя жизни и смерти?

* * *

Шофёр торопился на заправку, а мне ещё предстояло доделать чертёж погребения. Поэтому я отпустил машину, а заодно Воскресенского – и остался на *Цыганче* один, решившись на возвращение в лагерь пешком.

Цыганча – одинокий курган, сохранившийся в лесопосадке между пахотным полем и виноградной плантацией – был знаменит легендой о цыганке, убитой и похороненной здесь мужем-ревнивцем. Местный краевед В. Кожокару считает, что именно этот случай описан Пушкиным в поэме «Цыганы». Похоже, он прав: Цыганча стоит вблизи упоминаемого в поэме Кагула, одного из придунайских озёр Бессарабии... Теперь, когда вдоль озера потянули газопровод, курган попал под снос и раскапывается моей археологической экспедицией.

Окончив чертёж невзрачного средневекового захоронения (которое окрестил про себя «могилой Земфиры», – но где же «цыган молодой?»), я отправился в лагерь.

Надежда на то, что Миша заправится быстро и вернётся за мной – была очень слаба. Не без сожаления оставив знакомый проселок, я пошёл виноградниками, среди которых попадались клинья полей. Было жарко и пыльно. А я, к тому же, не удержался от соблазна полакомиться виноградом – и теперь не только слипались от сока грязные руки, но и всё больше хотелось воды. Вместе с тем портилось настроение.

«Вот разгильдяи, – думал я, поглядывая на обилие подгнивающих гроздьев. – Дождутся пока дожди обобьют!..».

Но это оказалось не самым серьёзным упущением руководства колхоза, приютившего мою экспедицию. За одной из плантаций, в низине у иссохшей криницы, набрёл я на заросшее поле... с брошенным трактором посередине! Т-100 стоял тут не один уже год: он так заржавел, что гусеницы словно слились с землей, а плуги местами напрочь скрылись в *лободе* и *ширице*.

Эта картина не давала мне покоя до самого села. И в селе не давала. Поэтому по пути в лагерь я свернул к своему знакомому Константину Козырину, инструктору по туризму и краеведению в местной десятилетке. Уральский парень, он невесть как очутился на Нижнем Дунае, женился в Сатуново на молдаванке и, казалось, укоренился на этой благодатной земле.

Во дворе – неустроенном, грязном, забросанном детскими вещами и инструментами – было тихо: хозяйка с детьми гостила, наверное, у родителей. А Костя печатал в сарае фотографии последнего турпохода. Здесь я и рассказал об увиденном.

Так до сих пор и стоит! – обрадовался, к моему удивлению, Костик. – *Правильно, значит, тогда я им врзал: пусть он у вас в борозде изржавеет!..*

– Кому ж ты такое сказал?

– Да председателю этого колхоза поганого!.. А, – я тебе не рассказывал? Я же до школы трактористом работал. А до того – продавцом, там и с Ленучей своей познакомился... На трактор сел, когда постройкой дома занялся. Оказалось – ни запчастей, ни зарплаты! Можешь мне не поверить: однажды за месяц – двадцать четыре копейки начислили! Ко-ней-ки!.. не веришь?

Ну-у, – отвёл я глаза. – На ремонте, что ли, стоял?

Да хоть где, но жрать же всё-таки надо! Трое детей... тогда, правда, только второй намечался... А тут он у меня снова заглох, посередине того самого поля. Так я его бросил – и в правление сразу. Говорю председателю: пускай он так в борозде и стоит, как памятник! – зло хохотнул Константин. Но тут же вдруг оживился: – Слушай, давай-ка мы его помянем! У меня уже один бочёнок дошёл...

В лагерь я добрёл при луне. Огромная, словно старинное зеркало в полутёмной прихожей, она висела над вздыхающим озером, и порывистый ветер гнал пред нею пряди тумана.

***...Спокойно всё; поля молчат;
Темно; луна зашла в туманы,
Чуть брезжит звезд неверный свет,
Чуть по росе неверный след
Ведёт за дальние курганы...***

всплыло вдруг в моей перетруженной памяти.

И вместе со строками «Цыган» накатило ощущение детства – и восторга, и тайны, и жути пред глыбами жизни.

Жили мы с Воскресенским не у Кагула, а в пансионате над Ялпугом – озером с удивительно чистой водой.

Когда хотя бы дня на три-четыре стихали ветра и муть оседала, то на дне между водорослей можно было рассмотреть копошащихся раков. Охота на них – моя давнишняя страсть. До конца сентября, а то и до середины октября, я ловил их на всех водоёмах, куда только ни забрасывала меня кочевая работа... Ялпуг оказался чрезвычайно уловистым. Дождавшись подходящей погоды, я откладывал на несколько часов все дела, прихватывал подводную маску и кипу пакетов, и отправлялся на озеро.

На дне было сумрачно, тихо. Но это была обманчивая тишина. Из водорослей то и дело возникал волчий взгляд притаившейся щуки, а то вдруг взрывали песок грандиозные карпы. Я мало обращал внимания на тех и других, но при случае не отказывался прихватить задумчивого окунька. Мой взгляд искал ладную броню полускрытых илом или ползущих, а иногда – несущихся подобно ракете допотопных существ. Увеличенные водой и стеклом, они казались гораздо больше своих настоящих размеров, – тем более, что самые крупные из них ничего не боялись и тянули к ловцу свои могучие клешни. А будучи пойманы, вспыхивали иногда рубинами глаз – и этот невероятно насыщенный цвет превосходил блеск любых драгоценных камней; он сравним лишь с вулканической лавой, увиденной из чёрного космоса на поверхности отдалённой планеты.

Борьба шла на равных: я постоянно помнил Любавина и ещё двух девчонок из экспедиций нашего института, которые утонули и по многу дней пролежали в воде...

Поныряв вдоль пустынного берега и усеяв его пакетами с живою добычей, я выходил из воды у роскошного сада, вытаскивал из плавок последний пакет и поднимался по одной из тропинок вверх. Сторожа меня помнили, знали скромные надобности нашей экспедиции из двух человек, и потому глядели сквозь пальцы на мой мелкий разбой... Порядком продрогший, нагруженный персиками, грушами, раками, я возвращался в наш лагерь, занимавший пол-домика пустующего к сентябрю межколхозного пансионата. В одной из комнат жил я и была *камералка*, – лаборатория по обработке находок; другую комнату, нечто среднее между столовой и складом, занимал Воскресенский.

С этим «бичом от археологии» я познакомился на Херсонщине, где командовал отрядом чужой экспедиции перед тем, как впрягнуться в свою собственную. Ярослав руководил раскопками одного из курганов, в котором я заподозрил нечто особенное. Поэтому, справившись со своими делами, стал всё чаще навещать отряд Воскресенского, ненавязчиво подвизая его на качественное исследование неординарного памятника.

Работа выдалась жутковатой даже для таких заматерелых «гробокопателей» как мы с Воскресенским. Накатывала жуть и на его лаборантов: мальчиков-девочек от восемнадцати до тридцати, набранных в Киеве «с бору по сосенке». Свою жуть они, однако, успешно глушили копейками, крестиками и иконками, которыми изобиловали могилы, вскрываемые бульдозером в Скворцовском кургане. Этот курган получил свое название от исчезнувшего в голодовку села, чьё распаханное в послевоенное время кладбище нам пришлось потревожить.

Славка смотрел на мародёрство сотрудников своих с юморком, а я ещё донкихотствовал – пытался их вразумлять. Мои усилия оставались почти что напрасны: не успевал отвернуться, как мальчики-девочки вновь ковырялись в гробах... По человеческим нормам следовало бы уволить этих работников (а также следующую партию и всех, что за ней...) или же ещё и ещё раз (до конца полевого сезона) пытаться найти такие слова и поступки, чтобы... чтобы перекрыть ими весомость старинных вещей и азарта? – наивно!.. Мне оставалось найти оправданье пороку. Я нашёл его в том, что ковырянье в останках – это не столько корысть, а хоть и уродливое, но всё же утверждение жизни над смертью, преодоление ужаса перед костлявой. Можете мне возразить?.. Ещё я знаю, что не всегда, не у всех народов принято было покоить в земле – и потому довольно спокойно относился к тому, как потомственный крестьянин Иван Алексеевич, проклиная нашу науку и своё мелиораторское руководство, растаскивал по пашне бульдозером кости и дерево.

– *Хто ж з цього поля хліб будэ жрать!?*

– *А вы знаете, что «жертва» – от «жрать»? «Принёс себя в жертву» – это «отдал себя на съедение». Об этом, и о поле о нашем, есть и в Евангелии: «И, когда они ели, Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите; сие есть тело Мое»...*

– *Ох и умни ж вы люды! Так бы й повбывав до чортовой мамы!..*

– *«О, – ещё один гуманист! Убивать, конечно, легче чем думать...»*

Мои силы уходили на то, чтобы постичь изначальный смысл раскапываемого нами кургана. Надо было отвлечься от драм вокруг христианского кладбища и разобраться в остатках того, что не успело разрушить оно из сотворённого за пятнадцать веков до мифического Рождества. Становилось понятно, что в *Скворцовском кургане* запечатлена некая мудрость арийских жрецов, перекочевавших из Азово-Причерноморских степей в далёкую Индию и создавших там Ригведу, добиблейский сборник священных гимнов-преданий.

Не полагаясь на добросовестность Воскресенского, я забрал у него материалы раскопок, решив довести их до отчётного уровня в новой своей экспедиции. Решил, но пока не собрался: переезжал, налаживал раскопки Цыганчи... А тут вдруг и Славка нагрнулся!

Я увидел его на крутом берегу, когда купался в Ялпуге. Он возник словно привидение, канувшее с Херсонщины в ленинградскую свою неустроенность – и возникшее вдруг на Одессине. Рядом с привидением-Славкой суетилась вполне реальная личность – из тех, кто вызывается третьим возле любого винно-водочного магазина.

Приятеля я изгнал через пару деньков – после затяжного застолья и принципиального нежелания выезжать на раскоп. Воскресенского я тоже чуть было не выгнал, но он меня упросил и разжалобил. Оказалось что здесь, в Ренийском районе, его родина и доживает отец: плох, забрали в больницу, похоже на рак.

Ночами, особенно после попойки, Слава кричал. Я догадывался уже, почему. За отдельными словами и фразами приоткрылась трагедия, подобная пережитой мной...

Умер отец. Мы хоронили его силами двух экспедиций: нашей и соседней, из Молдавии.

На рытье могилы я опоздал: готовил с Мишей машину для перевозки покойника. К нашему приезду землекопов уже почти не было видно из ямы, а отвалы были усыпаны бурыми костями и древесной трухой. Заглянув вниз, я увидел торчащие из стенок обрубки гробов и скелетов.

– *Вы что, озверели? Машина ведь скоро подъедет!..*

– *Дак, место такое назначили! А сверху никаких тебе признаков: ни крестов, ничего.*

Спорить было бессмысленно. Тем более что на покосившемся столике у соседней могилки стояли банки с вином, две опустошённые бутылки из-под «Столичной», консервы... Я выкопал ямку под кустами сирени и сгрёб туда, снёс на лопате кладбищенский тлен. Оставалось как-то облагородить могилу, скрыть следы разрушений. Решилось и это. Когда яму углубили до нужного уровня, я спрыгнул в неё, попросил подавать мне комья покрепче – и заделал ими все ниши. А торчащие обломки додумался опрыскать вином и припорошить по мокрому пылию...

Так и схоронили Николая Васильевича Воскресенского – в могиле, впитавшей вино.

«И сказал им: сие есть кровь Моя нового завета, за многих изливаемая.

Истино вам говорю: Я уже не буду пить от плода виноградного до того дня, когда буду пить новое вино в царствии Божиим».

На одной из поминок, которые повторялись на день девятый и сороковый, а также от первого до последнего дня экспедиции, Ярослав рассказал мне то, о чём я уже почти догадался:

– Мы с мамой одно время жили вдвоём: отец загулял... А она у меня – такой принципиальной была! Пошла работать в торговлю бухгалтером. Вскрыла, пыталась бороться. Замотали, шантажировать стали... «Повешусь, сынок», – говорит. А я, дурак, не поверил... не знал всех обстоятельств. А прихожу однажды домой... Ты, трезвенник! Знаешь ли ты, как собственную мать – из петли!?

– Не знаю, Слава, – выдавил я. – Мою... из петли... когда меня не было дома. Тоже, хоть и не так, замотали...

Воскресенский молчал, не веря и не отводя сумасшедшего взгляда. Поверил. И, вскинув над головой кулаки, заорал:

– Падлю-уки!! «Мамочка, мама!..»

Когда-нибудь – не сейчас; сейчас не смогу – расскажу, как всё получилось. И про сливу у дома, под которой ты лежала в гробу, и про мою статью «Мифы с берегов Днепра и Инда», в которой тебе приглянулась схема кургана с образом арийского Сурьи... Господи, каких только невероятных сплетений не случается в жизни! И неуж-то, неужто финал – лишь один?

Помимо раскопок Цыганчи, в Сатуново меня беспокоило здание церкви, в котором Козырин пытался наладить музей. Я взялся ему помогать. Не совсем бескорыстно: в случае необходимости Костя организовывал помощь раскопкам силами своих краеведов-туристов.

Музеем Константин занимался на общественных началах, задаром. Дело, как он объяснял, упёрлось в доски, гвозди, стекло – в материалы для стендов, на которые у колхоза не хватило ресурсов. В это можно было поверить; и я попытался помочь: написал в районную газету пару статей, разговаривал с колхозным начальством... Так постепенно открылась мне история села и его запущенной церкви. А решающую роль в том сыграл застольный, затянувшийся до утра разговор с председателем сельсовета, Васелём Хаджиу.

– ... Церкву нашу заложил мой пра-прадед. Ещё перед русско-турецкой войной...

– Их было несколько. Перед какой?

– Не знаю. Может той, што памятник у Новосельской переправы стоит: «здесь, в 1828–1829 годах...» Но, может, и раньше. Предок мой был из болгар, и старая наша фамилия – Боевы. Но может быть и эта – не самая старая. Может, предок получил её после того, как вырезал со своими друзьями турецкий отряд, грабивший родину. Ещё болгарскую родину, да-а... Вырезав турок, пра-прадед с друзьями переплыли на русский берег Дуная и здесь, на голом месте начали жить. Вот так это село и возникло!.. А когда люди стали селиться, хозяйство пошло – решили церкву поставить. Ма-аленькую, жили ещё небогато. Но Боев сказал: «Я сам, своими шагами фундамент отмерю. И пожертвую столько овец, сколько в эту ограду войдёт!» Семьсот овец получилось, да-а!.. А когда мастера нашли и начали строить, предок ещё и в Иерусалим, ко Гробу Господню сходил – чтобы святость нашей церкви крепче была!..

– Оттого и Хаджиевы стали, от «хадж»?

– Да, это так.

Василий Николаевич говорил по-русски с акцентом, пересыпая свою неспешную речь молдавскими и болгарскими словами, которые иногда забывал переводить для меня.

Году в 1981 скончался в Сатуново последний священник, и районное начальство решило приумножить сим фактом список прикрытых «очагов мракобесия».

Дело поставили круто: с «освобождением культового помещения для колхозных нужд» и с вывозом на свалку икон.

– Я сам приказ отдавал. Сам! – тыкал себя пальцем в грудь предсельсовета.

– *И о предке не вспомнили?*

– *Нет, за наследства я помнил. И старики мне напомнили: што ж ты, Хаджиу, люлку свою... Но я думал: прошлое – прошлому; думал: начальству виднее, раз мне приказ отдало. А люди – иначе решили: с палками, с топорами сбежались, да-а...*

– *И как на вас эта сходка... что тогда вы подумали?*

Хаджиу, разливая в стаканы вино, не ответил. Выдержал паузу, выпил. Затем сказал:

– *Тогда я тоже – вот так... А думал, помню, о том, что пра-прадед был выше сажени, я – сам видишь какой, а внук мой – на пилюлях живёт. Да-а... Что будет с народом, наука?*

«Спрашивай власть. Себя, председателя сельсовета, спроси!»

Хаджиу мне не рассказывал, но я от Козырина знал, что церковь разорили-таки. Не тогда, не во время бунта – а примерно полгода спустя. Вдругорядь разоряли «с умом», под готовясь заранее. Действовали руками районной милиции и местных дружинников (которые потом и проговорились, рассказали под пьяные слёзы). В глухую полночь отключили основной трансформатор, лишили село на пару часов электричества. В темноте забрались в пустующий храм и, подсвечивая фонариками, изрубили иконостас. Затем облили бензином всё, что может гореть и, уходя, подожгли. Потом пустили слух о пожаре ввиду замыкания электропроводки.

Чёрный остов простоял посреди села пару лет, но в конце концов колхозу пришлось раскошелиться: нанять шабашников и навести хоть какой-то порядок. Я видел его, этот порядок – обычный для запустевших амбаров и ферм. Ещё держалась побелка на стенах, ещё не везде облупилась грубая краска – но мохнатый слой пыли лежал уже, где только мог удержаться, а где не мог – висели хвосты паутины. Голуби, повыбивав тонкие стекла, порхали и ворковали под куполом, а под ним, на хлипком цементном полу, белел круг помёта... Здесь, по указке с района, должен был утвердиться музей «истории и народного быта».

Козырин честно попытался поднять этот самый музей, и люди попервах понесли сюда свои старые документы и вещи. Но убедившись, что дело дальше сбора не движется, нести перестали, а кое-кто своё добро и назад запросил.

Пытаясь помочь Константину соорудить стеллажи, я понял из разговоров с начальством, что он не тот человек, которому идут навстречу, который «умеет». Очевидно, ему не могли простить брошенный трактор. Но ведь и колхоз так и не собрался убрать его с поля!.. Получался замкнутый круг – бессилия и разгильдяйства.

Кто, чем и как его разомкнёт?

*«Я знаю способы «сотрясения несотрясаемого», – как сказано в одном из гимнов **Ригведы**. И хоть они из далёкого, неповторимого прошлого, – но стоит от них рассказать.*

В **Цыганчу** помимо «могилы Земфиры» оказалось впущено **святилище скифов**. Оно представляло собою землянку с гранитным изваянием воина. Помимо изображений колчана на боку, ритона в руке и гривны на шее, показаны были также меч и мужской орган под ним – причём в подчёркнутой взаимосвязи.

Изваяние скифского воина из святилища кургана *Цыганча*

С большим трудом мы перевезли изваяние на территорию лагеря и временно установили перед нашим жильём. Потянулись экскурсии. Объяснения давал, как правило, Слава. —

— На этом и многих подобных примерах мы видим коренное отличие представлений древних людей о войне и убийстве — от современных нам представлений, — не утруждаясь поиском собственных мыслей и слов, повторял мой рассказ Воскресенский. — Орудие смерти и орган рождения отождествлены! Враг, таким образом, не обрекался на гибель — его как бы переделывали, перерождали. В нужном победителю качестве, без чужеродного зла...

«Попугай, скворец ты мой нетверёзый!» — думал я с раздражением, вспоминая при этом недоисследованный пока что Скворцовский курган.

А его снова пришлось отложить: за Цыганчей последовали раскопки *Чауша* («дозорного»).

В основе этого наибольшего в районе Новосельской переправы кургана оказалось святилище *ариев*, обитавших здесь около пяти тысячелетий назад: настолько до скифов, насколько скифы — до нас. Устроено было это святилище так.

На водоразделе Ялпуга и Кагула, на бугре над мысом Буджак, которым начинается удобнейшая переправа через Нижний Дунай, вырыли человекоподобную по очертаниям яму. Её сориентировали головой в сторону закатов весеннего и осеннего солнца, а у ног и правой руки разложили костры. Потом окружили яму яйцевидным валом, направив его острый конец строго на юг. Затем внутри первой вырыли яму вторую — приталенную (крестовидную), головой на восток. В общем череве этой пары подземных божеств поставили столб — и надолго оставили священное место.

Оно простояло не менее года: ямы внутри вала полузасыпало пылью, они заплывали дождевыми и талыми водами... Но люди вновь возвратились сюда. И сотворили здесь жертву.

Был убит и расчленён человек, такая же участь постигла коня. Часть человеческой жертвы захоронили у третьего костра под южной полой, часть конской жертвы бросили в ямы. В них же уложили тушу коровы, предварительно перенеся столб на вершину святилища. Затем ямы перекрыли камышом и ветвями, а воронку над ними – в центре яйцевидного вала – засыпали землёй, останками человека и лошади. И, наконец, поверхность насыпи промазали илом, запечатав всё сотворённое в ней.

Что это значит? – Занимаясь исследованием мифотворчества ариев, изучив их Ригведу и комментарии к ней, труды Кёйпера и Семенцова, я уже мог разобраться в Чауше и оценить невероятную нашу удачу. Мы нашли одно из мест приобщения народа ко Вселенной! Это делалось так.

Избирался всадник-герой («гандхарва» у ариев, «кентавр» у греков – это, наверное, воспоминанья о нём). На год уезжал он из племени, ехал куда глядели глаза, жалея только коня и храня себя лишь до определённого срока. Суть его бесцельного вроде похода сводилась к отождествлению со всем мыслимым Пространством–и–Временем: с годом и родиной.

Пока бродил, становясь символом, всадник, соплеменники строили капище. К которому спустя год приезжал самоотречённый герой. Он отдавал себя и коня в руки жрецов. И те, вознося на алтарь их окровавленные члены, провозглашали:

*Луна из духа (его) рождена,
Из глаза Солнце родилось...
Из ног – Земля, стороны света – из уха.
Так (боги) устроили миры.*

И текст, и манера его исполнения, и жуть ритуала призваны были воздействовать на подсознание. К нему, а отнюдь не к рассудку, обращались жрецы – крепя связи народа своего со Вселенной! И каждый участник *пуруша-* и *аивамедхи* («жертвоприношения человека и лошади») обязан был отождествить себя с жертвой и ощутить, что этого его глаз становится Солнцем, его голова – небом...

Расчленение жертвы, отождествление её членов с элементами мироздания было только началом. Далее следовал ритуал «собрания» жертвы – но уже не в телесной (вещественной), а в духовной субстанции (в виде «поля», как сказал бы современный учёный). Эта духовность называлась *Вирадж*, «сияние».

*От (Пуруши) Вирадж родилась,
От Вираджи – Пуруша.
Родившись, он стал выступать
Над землёй сзади и спереди.*

Вот эта-то пара – Пуруша, жертвенный «человек», и его «сияние» Вирадж – и изображались, вероятно, двумя человекоподобными ямами Чауша; столб в общем их чреве символизировал так называемую ось мироздания, выступающую «над землёй сзади и спереди».

Что получал народ от этого обряда, от самопожертвования героя-Пуруши, от усилий жрецов? – Получал он не только ощущение приобщённости ко Вселенной, но и... бессмертие! Которое имело вид «воспоминаний» в миллионы и миллиарды лет (по крайней мере до времен появления жизни на нашей планете, но, возможно, и до времён формирования Солнечной системы), «воспоминаний», всплывающих из подсознания.

*Ведь Пуруша – ото Вселенная,
Которая была и которая будет.
Он также властвует над бессмертием,
Потому что благодаря пище перерастает
(своё начальное состояние).*

Этой космической пищей в Чауше выступала, вероятно, корова – которая у ариев олицетворяла молитву...

Молитва, вознёсшая всадника-гандхарва на вершину оси мироздания, на «высшее небо» бессмертной Вселенной!

Чауш дал ключ! Овладев им, я набросился на документацию раскопанного Воскресенским кургана.

Работа пошла споро – и оказалась несложной. Но сколько лет, сколько ума и души потребовалось на готовность к её выполнению! Об этом знаю лишь я... и догадывалась – моя покойная мама.

– *Так, алкоголик-страдатель, – сказал я Славке полушутя, – будь завтра трезв и серьёзен: будем доводить до ума твой Скворцовский курган.*

Было, наверное, в моём тоне нечто такое, чего Ярослав не послушался.

Устроились в моей комнате, уставленной тремя электроплитками: октябрь приближался к концу – и от бетонных стен несло ледником. Чертежи разрезов и общего плана кургана разложили на двух составленных вместе столах... Я обложился полевым дневником, книгой с русским переводом Ригведы, чертежами отдельных могил и, заглядывая иногда – то в одно, то в другое, принялся растолковывать Воскресенскому им же раскопанный памятник.

– *Итак, была ровная целинная степь. В одном из глухих, малопосещаемых мест, возле застоявшейся лужицы начали строить курган. Сначала сняли небольшой участок почвы, обнажив под ним жёлтый суглинок, потом на этой площадке вырыли человекоподобную яму...*

– *Как в Чауше!*

– *Похожую, голову на юг. Затем всё это перекрыли иловым холмиком, придав ему форму яйца... тоже подобно как в Чауше.*

– *Получился зародыш какого-то бога в яйце?!*

Хорошо! – искренне порадовался я за напарника. – *Может, дальше ты сам?*

Ярослав с готовностью взял у меня карандаш, принялся водить им по истрёпанному чертежу, – но вскоре, смущённо покашливая, вернул его мне: «*Давай, Алексеевич, сам!..*»

– *А нетрудно ведь догадаться, что дальше последовал ритуал «раскалывания яйца и вылупливания божества»! Как это было устроено? Видишь два дуговидных ровика у южного и северного концов «яйца»?*

– *Это те, из которых взяли комья для постройки «ворот»?*

– *Да, «ворот», обращённых к восходам летнего Солнца; к ним мы ещё возвратимся. Но сейчас нам важно понять, что два ровика, обращённые концами друг к другу – символ двух половинок расколотого яйца. А момент раскалывания символизировался костром на поверхности холмика... костром, в который бросали куски жертвенной лошади!*

– *И получился как бы «огненный скак»!* – возбуждённо вернул Ярослав.

– *Хорошо! хорошо ты сказал!.. А теперь проследим, куда же девалось выскочившее – то есть вылупившееся из яйца божество. Что последовало за жертвоприношением лошади? – И не дождавшись ответа: – Жертвоприношение человека, ребёнка!*

– *Похоже на Чауш, – включился опять Воскресенский. – Сочетание жертвы человека и лошади, да?*

– *Да, варианты одного и того же обряда **пуруша-** и **аива-медхи**, – с целью выхода на подсознание, на укрепление космических связей. Но не будем пока отвлекаться от вылупившегося божества. За «огненным скоком», как ты удачно сказал, последовала цепочка из трёх разнообрядовых захоронений. Первое – жертвенное, второе – обычное, третье – трупосожжение. Что это значит?*

– *Снизу вверх?* – наморщил лоб Ярослав. И жестом показал, как поднимается дым от костра.

– *Н-ну... в общем-то, да: это значит – символ потустороннего, земного и небесного уровней мироздания. Обрати внимание на ориентацию цепочки могил: жертвоприношение обращено к закатам зимнего, а трупосожжение – к восходам летнего Солнца.*

– *Так вот зачем понадобились им «ворота»!..*

– *Да: вылупившись из яйца и пройдя три уровня мироздания, в них прошло божество! Вознесясь в погребальном костре – снова «огненный скак»! – к высокому, летнему Солнцу... Каким же оно вознеслось, в момент вылупливания воплощённое, как мы уже знаем, в ребёнка?*

– Да, в жертву! – подхватил Ярослав.

Я подождал: не скажет ли он ещё что? Но он, обхватив ладонью лицо, опять замолчал. Его уставившиеся в чертёж глаза выражали усталость и тупое внимание.

– Ещё немного, – виновато откашлялся я. – Остались рвы, внешняя форма кургана, и мифы... Вдоль цепочки могил, как мы видим, была вырыта пара огромнейших рвов – в виде палицы и пастушьего посоха. Это известные атрибуты восточных владык и божеств; известны они и у ариев.

– По находкам в могилах и изображениям на каменных идолах?

– Вот именно! Там же – и на дне могил, и на идолах – нередко изображались стопы...

– ... в виде одной из которых и насыпан Скворцовский курган?

Я усмехнулся и грустно посмотрел на него:

– Соображаешь ведь, Слава! Ану, скажи-ка, совсем без подсказки: зачем понадобилось перекрывать всё – «яйцо», погребения, фигурные рвы – насыпью в виде стопы?

Воскресенский что-то замямлил, стал морщить лоб и соваться, приглядываясь к общему плану раскопок.

– Пил бы ты меньше, – подытожил я его потуги родить научную мысль. – Ты бы лучше хмелел вот от этого! – припечатал ладонью чертёж.

– Ладно, кончай! – окрысился Славка. И, угасая, пробормотал: – Нет, спасибо, конечно, тебе... Дальше давай, Алексеевич, а?..

Я потёр затылок и, с трудом входя в прежний тон, продолжал:

– Гигантские рвы-атрибуты, стопа, примерно в триста шестьдесят раз превосходящая длину стопы взрослого человека – это знаки того, что божество к концу года, к летнему солнцестоянию, выросло в великана. И совершило на небеса свой «огненный скак» в пламени трупосожжения, оставив на земле отпечаток правой, толчковой ступни.

Я придвинул к себе раскрытую «Ригведу» и прочитал:

***О, растущий телом сверх меры,
Никто не может сравниться с твоим величием.
Мы знаем оба твоих пространства Земли.
Ты, бог Вишну, знаешь высшее.***

– А вот ещё, слушай:

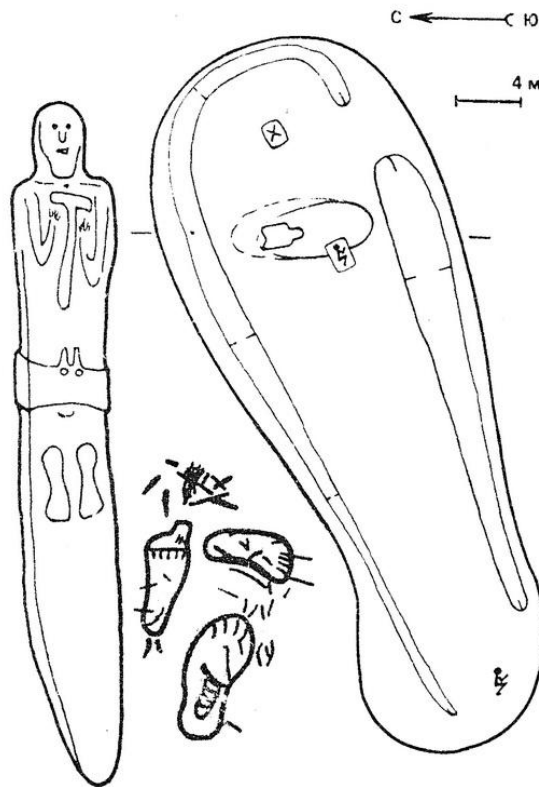
***Взирая только на два шага того,
Кто подобен Солнцу, мечется смертный.
На его третий никто не отважится (взглянуть),
Даже крылатые птицы в полёте.***

– Это из гимнов Вишну – «того, кто расширил (пространство Вселенной)»...

– Как это сказано: «Никто не отважится, даже птицы в полёте!..» А мы вот отважились, верно?! Слушай, Алексеевич, – давай я за банкой схожу! А, Алексеевич?..

– Или вот, – с трудом сдерживаясь, прочитал ещё я:

***Воспойте ваш напиток из растения сомы
Настроенному (на это) великому герою и Вишну,
Которые, не поддаваясь обману, стоят на великой
Вершине гор, подобно (всаднику, правящему)
прямо мчащимся скакуном!***

Изображение «следов Вишну» на стеле, скале и в конструкции кургана у с. Скворцовка (Северное Причерноморье, III – II тысячелетия до н. э.)

– Это тебе к сочетаниям жертвы человека и лошади в Скворцовском кургане и в Чауше... А «великий герой» – это Индра, главный персонаж Ригведы, предтеча наших Андреев, Андронов. Это имя переводят как «мужественный», но его изначальный смысл: «ядро», мужское «яйцо». Думаю, что в «яйце», а затем в жертвенном ребёнке Скворцовского отражён образ Индры – друга, соратника, а то и воплощения Вишну...

– А «напиток из растения сомы» – это что же? – снова перебил меня Славка, суетливо заглядывая в раскрытую книгу.

Я потёр затылок и устало, очень устало сказал:

– Ладно, тащи свою банку. И закусь. Отметим выдающийся, тобою раскопанный, – памятник.

Последние слова заставили рванувшегося было Ярослава присесть. Положив на чертёж худые узловатые руки, он сказал – то вскидывая, то пряча глаза:

– Намёк понял... понял намёк! Да, я бы такое не вытащил, недопонял. Я понимаю, что мой вклад в это дело – копеечный...

Но я всё равно буду считать это дело – своим! Это моя лебединая песня, ты понял!?

– Ну зачем ты так – «лебединая»...

– Да, я сейчас за банкой схожу! – не слушая меня, продолжал он кричать. – И мы будем пить!! За наших с тобой матерей!!!

«Господи! – думал я, потирая виски. – Гос-споди, которого нет!!».

* * *

Русское «бог» происходит от арийского **Бхага** – «(счастливо наречённая) доля». Это имя одного из братьев Индры, сына праматери сущего Адити – «бесконечного», «непрерывного», «вечного»: воплощения годовых циклов Вселенной. Адити и её потомки Адиты – это не боги в нашем теперешнем понимании, это скорее образно-философские символы мироздания. Которое, согласно «Гимну о сотворении мира» Ригведы, возникло из пустоты (вакуума, как мы теперь говорим), само по себе (без участия бога):

*Мрак был сокрыт мраком вначале.
Неразличимая пучина – всё это.
То жизнедеятельное, что было заключено в пустоту,
Оно Одно было порождено силой жара.*

Это, сходное с современными нам, – представление было высказано более чем за тысячелетие до кодификации Библии с её *Саваофом*, гипертрофированным отражением мирского владыки. Почему же угасли исконные, добиблейские взгляды, почему современная, сходная с ними «научная картина мира» подвергается ныне натиску церкви? – Не потому ли, что вера покойней сомнений, что гнёт божества всё же легче раздумий? Ибо есть время веры – и время познаний, время рабов – и время титанов.

Мы – не титаны, титаны – не мы!

... Такие мысли нередко посещали меня в Сатунове. Поскольку были там и Чауш, и церковь – попорченная как «пережиток» и «омут», но так и не преобразённая в «очаг культуры», в музей.

Недавно я вновь побывал в том селе. Ни музея, ни оставленных в нём копий чертежей наших раскопок, я там не нашёл. Не нашёл и завмузеем Козырина: оставив троих детей и жену, он сбежал к какой-то бабе в Одессу. Его Ленуча с горя обратилась к богу, который вновь поселился во храме. Предок Хаджиу может теперь успокоиться в своей загробной обители: на построенной им церкви вновь утвердились кресты, вновь плывёт над округой колокольный звон и духовное пение. Ах, если бы оно могло спасти Воскресенского, вернуть жизнь нашим с ним матерям!..

Мы – не титаны!.. Но кто же тогда?

... Не хочется завершать свой рассказ на пессимистической ноте. Потому скажу я о том, что моя недавняя поездка в Ренийский район была вызвана Всесоюзной конференцией по истории Нижнего Подунавья, которую организовал краевед В. М. Кожокару. Я был тронут его настойчивостью и влюблённостью в край, поддержал предположение об отношении *Цыганчи* к описанным Пушкиным событиям в поэме «Цыганы» и об установке памятного знака на месте раскопанного нами кургана...

А совсем уж в конце хочу привести постоянный тост нашего экспедиционного водителя Миши:

– *За то, чтоб мы были людьми!*

г. Киев, 24 ноября 1989 г.

Шилов Юрий Алексеевич, – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник института археологии АН Украины, автор книг: «Космические тайны курганов» и «Врата Бессмертия».

